

АННА
Варшавская

Медсестра
ДЛЯ БЫВШЕГО
Ты меня (не) вспомнишь

Анна Варшевская

**Медсестра для бывшего.
Ты меня (не) вспомнишь**

«Литнет»

2024

Варшевская А.

Медсестра для бывшего. Ты меня (не) вспомнишь /
А. Варшевская — «Литнет», 2024

– Основное условие, – жёстко говорит он, – никаких взглядов в мою сторону! Прикусываю язык, чтобы не сказать, что я думаю о нём и его условиях, и молча киваю. – Вы будете оказывать моей матери медицинскую помощь, следить, чтобы она вовремя принимала лекарства, выполнять поручения и выслушивать жалобы на то, какой я ужасный сын. Вопросы?* * * Его мать почти ослепла и не узнает девушку, которую выставила из квартиры семь лет назад. Вот только почему он не узнаёт меня? Или предпочитает делать вид, что не узнаёт? Но мне есть ради чего терпеть. И я на многое пойду – даже работать к человеку, который разрушил мою жизнь.ХЭ

Содержание

Пролог, глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пролог, глава 1

– Основное условие работы, – жёстко говорит мужчина, сидящий напротив меня, – никаких взглядов в мою сторону! Мне хватило пары ваших предшественниц. Даже если вы понравитесь моей матери, что вряд ли, это не означает автоматическую симпатию с моей стороны. Надеюсь, вам понятно?

Прикусываю язык, чтобы не сказать, что я думаю о нём и его условиях, и молча киваю.

– Хорошо, – он удовлетворённо кивает. – Так, ваши обязанности: при необходимости оказывать моей матери медицинскую помощь в рамках вашей компетенции, следить, чтобы она вовремя принимала лекарства, а также выполнять её поручения, помогать в бытовых вещах и выслушивать жалобы на то, какой я ужасный сын. Вопросы?

– Мне сказали, что у вашей матери проблемы с глазами, – задаю единственный вопрос, который меня сейчас волнует. – Насколько плохо она видит?

– Очень слабо. Различает светлое и тёмное, очертания предметов.

– То есть черты моего лица она не разглядит?

– Это так важно? – он поднимает брови.

«Ещё как важно», – проносится у меня в голове, но я слегка киваю и одновременножимаю плечами, делая вид, что мне безразлично.

– Нет, не разглядит.

Значит, она не узнает меня. Не узнает девушку, которую тогда выставила из квартиры. Но ладно она... Почему ты не узнаёшь меня? Или предпочитаешь делать вид, что не узнаёшь?

– Хорошо, – киваю, а затем, не удержавшись, уточняю: – Помогать нужно только вашей матери? Вы в помощи не нуждаетесь?

Последние слова звучат немного язвительно, и мой наниматель вскидывает брови в непритворном удивлении.

– А почему мне может требоваться ваша помощь?

– У вас нет проблем... с памятью, например? – говорю с намёком.

Я не ожидаю особенной реакции, поэтому меня застаёт врасплох, как быстро меняется выражение его лица.

– Нет, – цедит он сквозь зубы и встаёт, показывая, что разговор закончен. – Если это всё...

– Я готова приступить к работе с завтрашнего дня, – произношу торопливо и тоже поднимаюсь.

Плевать на всё – на его мать, на моё разбитое сердце, на... горло сжимает спазмом, я не позволяю себе даже в мыслях договорить последнюю фразу. Имеет значение только моя мама и её операция, на которую я откладываю деньги. Ради этого я на многое пойду – даже работать к человеку, который разрушил мою жизнь.

* * *

– Глянь, какая тут цыпа!

– О-о-о, цып-цып-цып! Куда торопишься, эй?

За моей спиной раздаётся грязный мат, который заставляет меня вжать голову в плечи и ускорить шаг. Мне остаётся всего-ничего – нырнуть в арку, свернуть влево, три подъезда – и я дома! Господи, ну пожалуйста, пусть они просто посвистят вслед. Зачем только я нарядилась?!

Зачем-зачем... Восемнадцать лет ведь исполняется раз в жизни. Правда, вечеринка, устроенная для меня теперь уже бывшей лучшей подругой, обернулась дурацким цирком, когда

я увидела её на кухне, целующейся с парнем, который вроде бы встречался со мной последние пару недель. Увидела, не стала им мешать, только тихо отступила по коридору, а затем и вообще ушла из квартиры, где собралась весёлая компания.

Вот так и получилось, что теперь я, громко цокая неудобными каблуками, бегу домой в первом часу ночи.

– Притормози-ка, – грубый голос совсем близко.

Меня хватают за плечо и разворачивают, я вскрикиваю, чуть не потеряв равновесие из-за дурацких шпилек.

– О, какая! – развязный смех.

– Слышь, Серый, она прямо тебе в объятия сейчас рухнет! Не цыпа, а киска... горячая! – ржач с другой стороны.

Их ещё и двое... Мамочки!

– Отпустите!

Надо же орать в голос, почему я так пишу? Может, крикнуть «помогите»? Ага, так кто-то и пойдёт в ночь на крики о помощи, как же... Обречённо замуриваюсь. Отпраздновала восемнадцатилетие, называется.

– Отпустите девушку, парни, – раздаётся вдруг поблизости спокойный голос, и я распахиваю глаза.

– А тебе чё надо? Она с нами, так ведь, киска? – парень, который держит меня за плечо, сжимает руку, и я морщусь от боли, трясую головой, пытаюсь разглядеть мужчину, который за меня вступился – он стоит в тени, скрывающей лицо.

– Нет! Нет, я не с вами! – о, ну наконец голос прорезался. – Пожалуйста...

– Да ладно те, мужик, – вступает в разговор второй отморозок и щерится в противной улыбке. – Или чё, хочешь, чтоб поделились? Чур, последний будешь!

Клянусь, я не успеваю даже моргнуть. Первой исчезает рука, давившая на моё плечо. Затем мелькают в воздухе ноги парня, предлагавшего поделиться... фу, мерзость какая! И вот уже оба придурка корчатся на асфальте. Один просто всхлипывает, обхватив руками живот, второго с заломленными руками держит в полусогнутом положении мой спаситель, у которого я до сих пор не вижу лица.

– По-моему, тебе надо извиниться перед девушкой, – удивительно, голос такой же спокойный, он даже не запыхался.

Парень дёргается, матерится – неуправляемое движение рук – и придурок, взыв, падает на колени.

– Из-зв-вини... те, – вырывается у него со стоном, и я сухо всхлипываю.

Не нужны мне никакие извинения! Я просто хочу домой!

– Вот и прекрасно, – слышу удовлетворённое, – ещё раз увижу здесь – и собирать вас будут по частям, причём пары деталей не досчитаются. Усекли?

Мужчина роняет парня на землю и, перешагнув через него, протягивает мне руку.

– Идём!

– Володя?! – выдыхаю ошарашенно, глядя, наконец, ему в лицо. – Ты меня не узнал? Я Дина, со второго этажа...

– А, ну да, – он мрачно смотрит на меня, затем на двоих ковыляющих в сторону от арки отморозков. – Надавать бы тебе по заднице, соседка! С ума сошла, по ночам шляться? А если бы я не оказался поблизости?!

– Оказался же, – цепляюсь за его руку.

Володя только сердито фыркает и ведёт меня к нашему общему подъезду. А я... я до сих пор не могу поверить, что на помощь мне пришёл именно он – мужчина, в которого я тайно влюблена уже несколько лет, с тех пор, как он начал жить в пустовавшей до этого квартире. Вроде бы бабульки у подъезда обсуждали, что это квартира его то ли тётки, то ли деда.

Только он меня никогда не замечал. Ну конечно, девчонка больше чем на восемь лет младше! Вот и теперь даже не узнал сразу. Неудивительно. Это я на него любовалась издали, когда случай выдавался, а он со мной уже, наверное, года три носом к носу не сталкивался.

В нескольких шагах от двери подъезда я торможу. Когда ещё выдастся такая возможность – побыть с ним наедине, да ещё и после того, как он за меня вступился и избил двух здоровенных парней. Господи, а ведь он прав – если бы его не оказалось поблизости...

Меня начинает трясти. Видимо, наступает отходняк, я дрожу так, что зуб на зуб не попадает, из глаз брызжут слёзы. И вдруг чувствую, как меня обнимают, прижимая к крепкой, горячей даже сквозь рубашку груди, накидывают на плечи тяжёлую кожаную куртку.

– Ну, что ты? – Володя гладит меня по волосам, перебирая мягкие завитые пряди, которые я на днях осветлила и остригла до плеч, а утром в честь праздника уложила в парикмахерской. – Всё же в порядке. Всё хорошо.

– У меня сегодня день рождения, – всхлипываю, уткнувшись ему в грудь лицом.

– И сколько тебе исполнилось, именинница? – с мягким юмором в голосе спрашивает Володя. – Шестнадцать?

– Я совершеннолетняя вообще-то! – отстраняюсь возмущённо и, отвернувшись, вытираю нос. Делаю пару глубоких вдохов и постепенно успокаиваюсь.

– Ну прости, прости, ладно, – он разворачивает меня обратно и вглядывается мне в лицо.

Смотрю на него так близко, как никогда раньше. Любуюсь глубоко посаженными голубыми глазами, прямым носом, опускаю взгляд на губы, возле которых залегли складки. Он, похоже, устал... Одет сейчас не в форму, а в гражданскую одежду, раз переоделся на работе перед уходом – значит, завтра выходной.

Да-да, за годы влюблённости я много что узнала о своём соседе. Слабо улыбаюсь при этой мысли и замечаю, что мужчина тоже смотрит на мои губы... Что? Да нет, не может этого быть!

– Беру свои слова обратно, – вдруг говорит он хрипло и откашливается. – Ты... прекрасно выглядишь, Дина. Поздравляю с днём рождения.

– Спасибо, – отвечаю негромко, а затем, не подумав, улыбаюсь и спрашиваю: – А как же поцеловать именинницу?

Глава 2

Замираю, осознав, что именно ляпнула, но не успеваю даже ничего предпринять, потому что моих губ вдруг легко касаются сухие тёплые мужские губы. Володя отстраняется на секунду, словно спрашивая разрешения, смотрит мне в глаза вопросительно и серьёзно. Я отвечаю таким же взглядом, тянусь вперёд, и следующий поцелуй оказывается уже совсем другим – влажным, тягучим, заставляющим прижиматься к твёрдому мужскому телу и хотеть... большего?

Меня отпускают через пару минут, раскрасневшуюся, тяжело дышащую, с саднящими губами. Мой спутник, который, не запыхавшись, ещё полчаса назад уложил на землю двух бугаев, тоже дышит явно с трудом.

– У меня завтра выходной, – вдруг говорит он, и я киваю – угадала! – а мужчина продолжает: – Встретимся, отметим твой день рождения? Надо же исправлять ситуацию, – слегка улыбается, – чтобы не вышло «как встретишь, так и проведёшь».

– Это ведь про новый год, – неуверенно улыбаюсь в ответ.

– Ну так и ты начинаешь новый год своей жизни, – он становится серьёзным. – Если только ты не занята. У тебя, конечно, могут быть свои планы...

– Нет! – выпаливаю быстро. – Своих планов нет!

– Отлично, – Володя ухмыляется, – потому что я собирался сказать, что тогда мне осталось бы только вписаться в то, что ты планируешь.

Я неудержимо краснею. Невероятно, он только что сказал, что так или иначе настоял бы на встрече! Украдкой щиплю себя за руку. Больно. Точно не сон.

– Так, значит, ты согласна? – уточняет он ещё раз. – И я могу придумать план сам?

– Конечно, – отвечаю смущённо.

Мне открывают подъезд, мы поднимаемся на мой второй этаж. Володе выше, на четвёртый. Подрагивающей рукой достаю ключи, открываю замок, но не успеваю нажать на ручку.

– До завтра, Дина, – мужчина целует меня в уголок губ.

– До завтра, – шепчу, до сих пор не веря, что это происходит со мной. – И... я ведь тебя даже толком не поблагодарила. Спасибо тебе!

– Всегда пожалуйста, – он кивает и подталкивает меня к квартире.

Захожу домой и, закрыв дверь, тут же смотрю в глазок. Тёмный силуэт взмахивает рукой, заставляя опять залиться краской, и начинает подниматься по лестнице. Понял, что я буду на него смотреть.

Отлипаю от глазка, скидываю туфли и плюхаюсь на пуфик в прихожей. На губах расплывается абсолютно идиотская улыбка.

– Надюша? – раздаётся сонное из маминой комнаты.

– Да, мам, – откликаюсь сразу, – спи, не волнуйся, всё в порядке.

В детстве и юности я не любила своё имя. Ну что это – Надя... Какое-то простецкое. Поэтому предпочитала иностранный вариант – Надин, а от него сокращённое Дина. Именно так представлялась, так же ко мне обращались все друзья. Надюшей меня звала только мама.

Подростковый бунт закончился, но до конца школы я оставалась Диной. Только год назад, когда начала учиться в медицинском колледже, решила не создавать путаницу. Медицина – дело серьёзное, как уж по документам есть, так и буду Надя. Тем более, что теперь я уже совсем не считала это имя глупым и простецким, наоборот. Дарящая надежду! Моей мечтой было стать сначала медсестрой, а потом выучиться на врача. К сожалению, поступить сразу в медицинский университет на бюджет не удалось, а денег на платное обучение у нас с мамой не было.

Вот только Володе почему-то тоже напомнила о себе, как о Дине... Ну да это неважно. Переодевшись и сходяв в душ, зарываюсь лицом в подушку и расплываюсь в улыбке. До сих пор поверить не могу! Я – и Володя Солнцев! Он меня поцеловал, а завтра пригласил на свидание! Уи-и-и!

Подскакиваю с утра, но мама уже не дома – она у меня пекарь высшей квалификации, её смена на хлебозаводе начинается очень рано. Однако сейчас я этому рада. Не придётся объяснять, почему так сияю и куда пойду.

Володя не сказал, когда мы встретимся, но я почему-то думаю, что вечером, и поэтому меня застаёт врасплох звонок в дверь. Открываю как есть – в домашних шортах и широкой футболке, с волосами, собранными в небрежный пучок на затылке.

– Ой! – глупо реагирую на улыбающегося мужчину, прислонившегося к подъездным перилам.

– Шикарно выглядишь, – он окидывает меня взглядом, задержавшись на голых ногах, а затем на груди.

Я краснею и обхватываю себя руками, потому что лифчика на мне нет, и соски тут же собираются в горошины, наверняка проступающие сквозь тонкую ткань.

– Думала, мы увидимся вечером, – лепечу растерянно.

– Мне уйти? – Володя ухмыляется.

– Н-нет, нет, конечно, – втягиваю в себя воздух и закашливаюсь.

– Хорошо, – хмыкает он, – но я бы и так не ушёл.

Прыскаю, не сдержавшись.

– Проходи, – отступаю от двери, пропуская его внутрь, – я только собиралась позавтракать...

– Позавтракаем вместе, – Володя улыбается, глядя на меня. – Я отвезу тебя в одно классное местечко.

Смотрю на него, не в силах оторвать взгляд. Ну какой же он...

– Дин? – мужчина поднимает одну бровь. – Не хочешь переодеться? Лично мне и так всё нравится, но...

– Ой, – скрываюсь в своей комнате, слыша за спиной тихий смешок.

Выхожу минут через десять уже в приличном виде и ловлю на себе восхищённый взгляд.

– Ты просто мечта, а не девушка, – выдаёт Володя, жадно разглядывая меня, хотя я надела простую белую футболку и обычную лёгкую юбку чуть ниже колена, правда, насыщенного апельсинового цвета. – Мало того, что красивая – глаз не оторвать, так ещё и собираться умеешь быстро.

Фыркаю, скрывая смущение за улыбкой, накидываю укороченную джинсовую куртку и обуваю удобные туфли на плоском ходу.

– Я готова! – объявляю весело.

– Отлично! – Володя берёт меня за руку, переплетая свои пальцы с моими. – Поехали!

Этот день кажется мне самым счастливым в моей жизни. За ним следуют ещё и ещё дни. Я летаю и парю в облаках своей влюблённости, не замечая ничего на свете. Всё развивается так стремительно, что уже через три недели я фактически живу на две квартиры, бегая между вторым и четвёртым этажами.

Хоть Володя и говорил, что нам ещё рано и надо потерпеть, утерпели мы недолго. И пусть для меня первый опыт оказывается болезненным, внимательность и осторожность моего мужчины и то, с каким восхищением он ко мне относится, делают своё дело, так что я уже начинаю получать удовольствие от нашей близости.

А ещё спустя несколько недель Володя уезжает в командировку.

– Динусь, меня не будет пять дней, – он складывает вещи в небольшую спортивную сумку, проверяет документы. – Ну не расстраивайся ты так!

Я шмыгаю носом. Так привыкла видеть его почти каждый день, что не представляю, как переживу это время.

– А ну иди сюда, птичка! – любимый подхватывает меня на руки и падает со мной на диван. – Привыкай, моя хорошая! Жена военного – это, знаешь ли, не только статус, но и умение ждать! Это ещё у меня служба такая, что в гарнизон куда-нибудь на крайнем Севере не пошлют.

– Что? – у меня пропадает голос, я ошарашенно смотрю на улыбающегося Володю.

– На Север не пошлют, говорю, – повторяет он хитро. – Остальное – когда вернусь! Всё, милая, мне пора. Ключи у тебя есть, надеюсь на горячую встречу! – целует меня в кончик носа, встаёт и пафосно произносит: – «Ждите меня с первым лучом солнца, я приду на пятый день, с востока!»*

Смеюсь, не удержавшись, и посылаю ему вслед воздушный поцелуй. Володя делает вид, что ловит его, складывает в нагрудный кармашек и, махнув на прощанье, выходит.

Вот только на пятый день, когда я слышу, как в замке поворачивается ключ и бегу в коридор, готовая уже броситься на шею любимому, по которому жутко соскучилась, там оказывается совсем не он.

—

* Володя цитирует слова Гэндальфа из второй книги «Властелина Колец».

Глава 3

– 3-здравствуйте, – недоумённо смотрю на пожилую женщину, стоящую в дверях.

Она высокомерно поднимает брови, кривит губы. Отодвинув меня плечом, проходит внутрь. Я настолько теряюсь от неожиданности, что покорно отхожу в сторону, и только потом соображаю, что...

– Вы, наверное, мама Володи? – неуверенно улыбаюсь. – Очень рада с вами познакомиться! Меня зовут...

– Мне всё равно, милочка, – холодно цедит она. – Если тут есть твои вещи – заberi и можешь быть свободна. Смотри, лишнего не прихвати, проверю!

– Но...

– Я неясно выразилась? – меня окидывают брезгливым взглядом с головы до ног.

– Я жду Володю, – расправляю плечи, пытаюсь придать себе уверенности.

– Мой сын сюда не приедет, – женщина поджимает губы, правда, я успеваю заметить какой-то странный блеск в её глазах, и мне становится страшно.

– С ним... с ним всё в порядке? – выдавливаю из себя.

– Полностью, – она уверенно кивает, проходит в комнату и, оглядевшись, лезет в шкаф, где, как я знаю, Володя хранит папку со всякими документами.

– Но почему он не приедет? – пытаюсь хоть что-то понять, голова идёт кругом.

– Я что, отчитываться должна перед неизвестной... соплюшкой? – её тон и эта пауза в конце отчётливо дают мне понять, что имеется в виду совсем другое слово.

На глазах вскипают слёзы. Как она смеет так со мной обращаться? И всё же я сдерживаю себя. Володя мало рассказывал про мать, но упоминал, что у неё сложный характер. Мне не хочется сейчас грубить ей и портить отношения. Наверное, стоит просто подождать. В командировке ему нельзя пользоваться сотовым, но он же вернётся оттуда. Я позвоню, он всё объяснит. В конце концов, у него здесь форма, все вещи. Быть того не может, чтобы он бросил меня вот так, без всяких объяснений! У нас же всё было так хорошо! Да и его слова о жене...

– До свидания, – говорю его матери с намёком, но она не реагирует.

– Ключи оставь, – указывает на накрытый стол, где уже стоят тарелки с бокалами, и морщится пренебрежительно.

– Они в коридоре, в ключнице, – вздёрнув голову, говорю, старательно сдерживая слёзы.

– Если сделала запасные, можешь на них не рассчитывать, – опять этот мерзкий обвиняющий тон. – Замки поменяют в ближайшее время.

Прикусываю губу и медленно выхожу из квартиры. Расплакаться позволяю себе только дома. Хорошо, что мама сегодня на работе. Она, конечно, уже в курсе наших с Володей отношений, и хотя официального знакомства у нас пока не было, формально они друг друга знают, мы же соседи всё-таки.

Засыпаю я вся в слезах, а с утра просыпаюсь поздно. Меня вообще в последнее время часто клонит в сон. Тут же проверяю телефон, но нет ни звонков, ни сообщений. Подумав, всё-таки набираю Володю, но... «абонент временно недоступен».

Несколько дней от него нет никаких вестей, телефон по-прежнему отключён, и я схожу с ума от неизвестности, а потом... потом понимаю, что у меня задержка. Чёрт, ну как же так?! Мы ведь предохранялись! Смутно припоминаю, что вроде бы один раз были немного неосторожны, но у меня ведь был безопасный период. Иду в аптеку, покупаю тест, а потом, уже дома, тупо смотрю на две проявившиеся полоски. Одна значительно бледнее, но просматривается всё равно достаточно чётко.

Из ступора меня вырывает шум в подъезде. Заглядываю в глазок, потом рывком открываю дверь – грузчики сносят вниз какие-то вещи. Вдруг сжимается в груди. Как была – в домашней одежде, с тестом, зажатом в кулаке – взлетаю на четвёртый этаж, к знакомой квартире, и торможу, увидев на площадке мать Володи. Она оборачивается ко мне, и на лице появляется раздражение.

– Что опять, милочка? Я всё объяснила в прошлый раз!

– Где Володя? – спрашиваю сдавленным голосом, затем срываюсь на крик: – Где он?!

– Истеричка, – презрительно бросает мне женщина, а затем цепляется взглядом за мою руку. – О-о, ну так и знала, что ты попытаешься использовать этот трюк. Девушки вроде тебя на всё пойдут, лишь бы окрутить перспективного мужчину.

– Какой трюк? – шепчу отчаянно, по щекам ползут слёзы. – На что «всё»? Я не...

– Так, некогда мне тут с тобой разбираться, – она отмахивается от меня. – На вот, держи, – всовывает в руку несколько бумажек, я машинально сжимаю пальцы. – Хотя ты и врешь, но, надо признать, почти талантливо. Может, с кем другим и сработало бы, но не со мной. И не вздумай приходить, звонить или стучать в квартиру, она выставлена на продажу.

Она разворачивается и уходит. Я, покачнувшись, опускаюсь на ступеньки и тупо, непонимающе смотрю на руку, в ней пяти тысячные купюры. Моргаю, с ресниц срываются слёзы, пятна расплываются на бумаге.

– Диночка, детка, что с тобой? – слышу чей-то голос.

Кажется, соседка. Мне всё равно.

– Ничего, – свой голос слышу словно со стороны. – Я пойду.

Собираюсь с силами и поднимаюсь. Медленно иду к себе, ложусь на диван и проваливаюсь в какой-то странный, тяжёлый сон.

Спустя несколько часов просыпаюсь с раскалывающейся головой и беру телефон. Господи, откуда столько пропущенных с незнакомого номера? Неужели?!..

Мобильный начинает вибрировать в руке.

– Да?

– Апраксина Надежда Леонидовна?

– Да, это я.

– Апраксина Мария Вячеславовна кем вам приходится?

– Это моя мама, – отвечаю на автомате и меня накрывает каким-то удушающим ужасом.

– Что с ней?! Кто это?!

– Вам звонят из городской клинической больницы. С вашей матерью произошёл несчастный случай.

В больницу я врываюсь спустя полчаса. Подбегаю к регистратуре, где мне сообщают, что мама в ожоговом отделении, и называют фамилию врача, к которому можно обратиться за информацией. С трудом нахожу в хитросплетении коридоров нужный мне кабинет. Пытаюсь успокоить дыхание и стучу.

– Здравствуйте, – вхожу в крошечную заваленную бумагами комнату. – Я Надежда Апраксина. Моя мама...

– Да-да, садитесь, – мне кивает на стул усталый врач, по виду ему за сорок, может, ближе к пятидесяти. – Так, значит, Надежда, у вашей матери ожоги третьей степени, поражено около тридцати процентов кожи, процентов десять из них – глубокие. Это значит...

– Не объясняйте, – шепчу онемевшими губами. – Я знаю, что это значит. Я учусь в медицинском.

Врач смотрит на меня уже по-другому, кивает.

– Тогда вы понимаете, что сами они не заживут. Потребуется некрэктомия, пересадка кожи, возможно, не одна операция...

– Как... как это могло случиться? – мама такой профессионал, она всегда была осторожна...

– Насколько мы поняли, несчастный случай на производстве, – сочувственно говорит мне мужчина.

– Она поправится?

– Сейчас состояние тяжёлое, но прогноз в целом благоприятный, – осторожный ответ, но другого я и не ждала.

– А участки поражения? – спрашиваю, затаив дыхание.

– К сожалению, один из них – на лице, – помедлив, отвечает он.

Содрогнувшись, утыкаюсь в ладони. Чувствую чужую руку на плече, но меня сейчас вряд ли что-то может утешить. Нет! Я не расклеюсь! Я нужна маме!

– Всё в порядке, я справлюсь, – встаю, глядя врачу в глаза. – И она справится. Она сильная.

Он кивает, и мне даже кажется, что я вижу уважение в его глазах.

– Сейчас к ней, конечно, нельзя, – не спрашиваю, но получаю утверждающий кивок.

– Можете звонить с вопросами напрямую мне, меня зовут Леонид Львович, – говорит вдруг врач, и я, опешив, поднимаю на него взгляд, а он улыбается. – Я уверен, когда-нибудь мы станем коллегами, так что, думаю, вы не будете надоедать мне звонками в час ночи?

– Конечно, Леонид Львович, – киваю и с трудом улыбаюсь в ответ. – Спасибо вам огромное. Я и не ожидала... Ах!

Складываюсь пополам от неожиданной боли, пронзающей все внутренности.

– Надежда?!

Очередной спазм такой силы, что у меня вырывается стон, я падаю на колени, сворачиваюсь клубочком на полу.

Слышу, как Леонид Львович звонит куда-то, командует, что это срочно, потом помню, как резко открывается дверь, вбегают двое врачей в хирургических пижамах, затем следующий приступ боли, и всё темнеет.

Глава 4

Несколько лет спустя

- Плазма? – тихий вопрос в сторону анестезиолога.
- Один флакон, – негромкий ответ.
- Кровь закажите, – опять хирург.
- Уже, – это ассистент.
- Зажим, – а это мне.

Подаю нужный. Сначала для захвата лёгочной ткани. Затем – сосудистый. Проговариваю про себя, ведя подсчёт: использованы зажимы Фёрстера – один, Дебейки – один... Мозг работает в автоматическом режиме, отсчитывая впечатанные в подкорку манипуляции. Операция идёт своим чередом.

- Гемодинамика стабильная, – анестезиолог.
- Мышцы, – гибкие пальцы накладывают шов. – Надя, что ты мне съёшь хвост какой-то. Длинную дай.

Протягиваю нить нужной длины.

– Дальше с операционной сестрой ушивайтесь, Анна Николаевна, – хирург уже с треском стягивает с себя перчатки, ассистент кивает и сдвигается на его место, я рядом, на своём.

Операция проходит в штатном режиме. Краем глаза фиксирую количество впитывающих салфеток, всё это будет внесено в операционный протокол, как и использованные инструменты.

– Надюша, ты молодец, – спустя час к сестринскому посту, где я заполняю нужные бумаги, подходит улыбающаяся Анна Николаевна.

- Спасибо, – улыбаюсь в ответ.
- Никита Сергеевич тоже доволен, – сообщает она мне весёлым шёпотом. – Сам, понятное дело, никогда не скажет, но я-то знаю.

Мы обмениваемся понимающими взглядами и улыбками. Аннушка, как её все зовут за глаза (а кое-кто, например, наша старшая медсестра Надежда Константиновна, – и в глаза тоже), замужем за главным хирургом – заведующим отделением, так что она действительно в курсе дела. Я немного выдыхаю. Уже полгода как прошла повышение квалификации и теперь операционная медсестра, но пока ещё нервничаю, особенно когда приходится работать с такими светилами хирургии.

– Я, кстати, в ожоговом была пару часов назад, тебя Леонид Львович просил зайти к нему, если успеешь.

Киваю, на плечи опять наваливается усталость. Я сегодня на сутках, так что можно сейчас дойти до ожогового, пока в хирургии относительная тишина.

Спустя пятнадцать минут, закончив с протоколами, стучусь в знакомую дверь.

– А, Надюша, заходи-заходи, – немного постаревший за последние годы, но до сих пор вполне себе крепкий Леонид Львович кивает и опять углубляется в документы. – Присядь, я сейчас закончу.

Устраиваюсь на стуле и рассеянно вожу глазами по кабинету, всё так же заваленному бумагами. Надо же, сколько всего произошло с того дня, как я очутилась здесь в первый раз. Поморщившись, прогоняю неприятные воспоминания.

- Как мама? – Леонид Львович наконец поднимает голову от бумаг.
- Как всегда, – вздыхаю.
- Ты бы передала ей, что я жду её... на приём, – мужчина смотрит тоскливо, и я его понимаю.

Мама у меня – товарищ с характером. Что решила – с дороги не свернёт. Вся больница ставки делала после её выздоровления, все уже были в курсе, что Леонид Львович, холостяк со стажем, влюбился в свою пациентку по уши. Да только мама вбила себе в голову, что такая, как она, никому нужна не будет.

Ей провели несколько операций, выполнили пересадку кожи, но на лице и за ухом остался длинный шрам, да и на теле тоже несколько. По-моему, Леониду Львовичу абсолютно плевать на это, достаточно один раз увидеть, как он смотрит ей в глаза. Но, увы.

– Я передам, но вы же её знаете, – пожимаю плечами.

– Надь, я тут разговаривал с пластическим хирургом, он может посмотреть её, – вдруг говорит мужчина. – Ты знаешь, мне всё равно, но если Маше это важно...

– У нас не хватит средств оплатить операцию, – качаю головой, – я только-только по кредиту расплатилась. А по квоте она не проходит.

– Я мог бы...

– Леонид Львович, – говорю мягко, – я знаю. Но мы ведь уже говорили с вами на эту тему. Мама в курсе нашего финансового положения. Она поймёт, что это вы устроили. И никогда не примет от вас помощь.

– Чёрт, Надь! – взрывается врач. – Ну что ж вы гордые-то такие, а?!

– Уж какие есть, – вздыхаю и улыбаюсь. – Но у меня тут отличная новость. Я нашла хорошо оплачиваемую подработку. Завтра собеседование. Если получится, то все эти деньги буду откладывать маме на операцию! Так что вы придержите пока свою договорённость с хирургом, ладно?

– Эх, Надюша, – качает головой Леонид Львович. – Где только делают таких, как ты. Жаль, раньше я твою маму не встретил, дочкой была бы мне.

– Ещё не поздно, – задорно ему улыбаюсь и получаю ответную улыбку.

– Сама-то ты как?

– Да мне-то что, у меня всё прекрасно, – отмахиваюсь от вопроса и понимающего взгляда.

– Пойду я, Леонид Львович. А то до конца смены ещё несколько часов.

– Иди, Надюш, – мужчина кивает. – А маме всё-таки напомни.

– Напомню.

Дежурство заканчивается спокойно, что даже удивительно, но всё равно за эти сутки я вымоталась ужасно. Доползаю домой и падаю спать.

Будит меня запах блинчиков. Тяну носом и улыбаюсь.

– Доброе утро, – говорю весело, заходя на кухню.

– Добрый день уже, Надюша, – фыркает мама, а я, вдруг испугавшись, хватаю мобильный.

– Что такое? Ты чего?

– Фу-ух, – выдыхаю облегчённо, – до собеседования ещё три часа, я уж испугалась, что проспала.

– Какого собеседования? – мама смотрит на меня вопросительно, садится напротив, пододвигает ко мне тарелку с блинами. – Поешь. Ты что, с работы увольняешься?

– Нет, конечно, – сворачиваю блинчик и запихиваю его в рот. – Подработку нашла, – бурчу невнятно.

– Надя!

– Ну что «Надя»? – смотрю на маму, подняв брови.

– Ты же сказала, что по кредиту расплатилась, – укоризненно говорит она.

– По кредиту да, но деньги лишними не бывают, – в последний момент решаю не говорить, что они нужны ей на операцию.

А то знаю я, как мама отреагирует. Нет уж. Перед фактом её поставлю.

– Тебе, кстати, Леонид Львович передавал, что ждёт тебя на приём.

– Какой приём, он уже давно не мой лечащий врач, – мама отворачивается.

- Динамику проверить, – вру, но она качает головой.
- Нет никакой динамики, – резко встаёт. – И не будет.

Я вздыхаю. Это бесполезно. Отодвигаю от себя блины. Нечего наедаться. И так поправи-
лась немного в последнее время из-за очередного гормонального колебания. Надо пойти сдать
анализы и провериться в очередной раз. Морщусь, но куда деваться. В моей ситуации лучше
себя не запускать.

В своей комнате открываю шкаф и скептически рассматриваю варианты, которые можно
надеть на собеседование. Эту вакансию мне предложила знакомая медсестра из офтальмоло-
гии.

– Надь, – Лика неуверенно рассматривает свои руки, избегая глядеть в глаза, – не знаю,
насколько тебе это подойдёт. Понимаешь, там не столько медсестра, сколько компаньонка
нужна. Твоё среднее медицинское – это, конечно, гигантский плюс, но по большей части нужно
быть «подай-принеси».

– А почему тогда такую зарплату предлагают? – спрашиваю, чувствуя подвох.

– Потому что женщина с характером, – вздыхает знакомая. – И терпеть её требования
и заскоки не всякий сможет. Мне шепнули, что три девочки с ней и пары недель каждая не
протянули. Я бы и тебе предлагать не стала, но ты просила сказать, если что, вот и...

– Спасибо, что сказала, – говорю твёрдо. – Сама знаешь, деньги мне нужны. А характер...
Ну что ж, все мы бываем не подарок. Попробовать никто не мешает. Ты сказала, сын ей нани-
мает компаньонку?

– Да, – на её лице вдруг появляется улыбка. – Сын там – просто ух!

– Вот это как раз мне безразлично, – качаю головой, но тоже улыбаюсь. – От этих «ухов»
одни неприятности, так что пусть кому-нибудь другому достаются.

Разговор состоялся неделю назад, и я попросила Лику сразу передать работодателю мои
контакты. Позавчера мне написали с предложением встретиться, и мы, обменявшись сообще-
ниями, договорились на сегодня. И вот теперь я копаюсь в своём скудном гардеробе, пыта-
ясь понять, что бы такое выбрать, чтоб сразу дать понять этому «ух»-сыну, что я настроена
серьёзно и по-деловому.

В конце концов останавливаюсь на тёмно-зелёных зауженных книзу брюках и свободной
рубашке с отложным воротником, которая заодно скроет пару моих лишних килограммов.

– Мамуля, я пойду, – кричу ей в комнату. – Потом сразу домой!

– Надюша, ну что ты всё домой и домой, – мама выходит в коридор и качает головой. –
Тебе ещё и двадцати пяти нет, а всё только дом-работа, дом-работа. Хоть бы погуляла.

– Глупости это, мамуль, – качаю головой и беру подходящую под одежду сумку. – Не
хочу я гулять. Вернусь и фильм посмотрим новый, ладно? Я ненадолго! – целую её в щёку и
выхожу из квартиры.

«Нагулялась уже», – думаю печально, пока спускаюсь к выходу из подъезда. Мама ничего
не знает о том, что со мной случилось. И хорошо, что не знает.

Я вышла заранее, так что спокойно доезжаю до нужного места почти в центре города.
Нахожу небольшую кофейню, в которой меня должны будут ждать. Хотя, думаю, подождать
придётся именно мне, всё-таки ещё рано. Подумав, беру себе чай и, мысленно махнув рукой,
пирожное.

Достаю руководство по кровотечениям, которое прихватила с собой, и углубляюсь в чте-
ние. Никогда не лишним будет освежить в памяти даже вызубренное когда-то.

– Надежда? – раздаётся совсем рядом со мной, и меня передёргивает от звука до боли
знакомого голоса.

—

**История Аннушки и Никиты рассказана в книге «Заноза для хирурга» вот
здесь: <https://litnet.com/ru/book/zanoza-dlya-hirurga-b450447>**

Все истории можно читать отдельно.

Глава 5

Помертвев от ужаса, поднимаю голову и смотрю на мужчину, которого видела последний раз почти семь лет назад. Господи, что делать? Встать и уйти? Сказать, что он ошибся? Кстати, а почему Надежда, он же всегда звал меня Диной... или... не может быть, он что, не узнал меня?!

– Д-да, – киваю, облизнув пересохшие губы.

– Добрый вечер, меня зовут Владимир.

Я в прострации пожимаю протянутую руку. Чувствую себя, как в каком-то дурацком сериале – влюблённые встретились через столько лет, и он её сначала не узнал, зато потом упал перед ней на колени и...

Мотнув головой, выбрасываю идиотские мысли из головы. Володя уже сидит напротив, на колени падать не собирается, смотрит на меня, серьёзно сдвинув брови.

Разглядываю такое любимое когда-то лицо. У него появилась морщинка в межбровье, черты стали более жёсткими, рублеными, сильнее обозначились скулы, губы сурово сжаты, такое ощущение, что он их вообще не разжимает.

А ведь я помню, как он улыбался и смеялся... Сердце сжимается, на глаза наворачиваются слёзы. Нет, я не могу, просто не могу... Сейчас он узнает меня, и...

– Итак, Надежда, у меня мало времени, давайте сразу к делу, – он кладёт локти на стол, сцепляет пальцы в замок. – Ваши документы?

– Что? – непонимающе смотрю на него.

– Вы должны были сделать копию паспорта и принести с оригиналом, – он хмурится ещё сильнее. – Вам не передали?

– Я... нет, то есть... да, конечно, – лепечу, вспомнив, наконец, о чём речь.

Неловко лезу в сумку, достаю пластиковый конверт, в котором принесла всё необходимое. Захватила с собой и диплом, и медицинскую книжку... Вот только теперь сжимаю бумаги в трясущихся руках, не в силах передать их мужчине.

Если даже он не узнал меня в первую минуту, то совершенно точно всё поймёт, когда посмотрит в документы.

– Давайте, – Володя, видимо, устав ждать, протягивает руку через стол.

Осторожно отдаю ему папку и впиваюсь взглядом в его лицо, пытаюсь увидеть реакцию.

Вот только никакой реакции нет. Он быстро просматривает мой паспорт, забирает ксерокопию, отодвигает остальные документы.

– Это было необязательно, – кивает на них, – можете забирать. Паспортных данных достаточно для проверки.

На смену растерянности приходит злость. Сжимаю губы и опускаю глаза. Передо мной человек, который бросил меня. Как так вышло и почему – я устала гадать за прошедшие годы. Перестала задумываться, приняла как факт. Да и жизнь меня не баловала. Очень быстро стало не до страданий, точнее, сместился... так сказать, фокус.

Но теперь... узнал он меня и просто изображает, что не помнит, или вправду не узнал – любой вариант одинаково оскорбителен. И всё же я почему-то продолжаю сидеть и ждать, что мне скажут.

– Вам объяснили суть работы? – как-то устало спрашивает мужчина.

– В общих чертах, – киваю, а затем прищуриваюсь. – Сумма, которую вы собираетесь платить, реальна?

– Вполне, – он кивает, а затем жёстко рубит: – Скажу сразу: основное условие работы – никаких взглядов в мою сторону! Мне хватило пары ваших предшественниц. Даже если вы

понравится моей матери, что вряд ли, это не означает автоматическую симпатию с моей стороны. Надеюсь, вам понятно?

Прикусываю язык, чтобы не сказать, что я думаю о нём и его условиях, и молча киваю.

– Хорошо, – удовлетворённо говорит он. – Так, ваши обязанности: при необходимости оказывать моей матери медицинскую помощь в рамках вашей компетенции, следить, чтобы она вовремя принимала лекарства, а также выполнять мелкие поручения, помогать в бытовых вещах и выслушивать жалобы на то, какой я ужасный сын. Вопросы?

– Мне сказали, что у вашей матери проблемы с глазами, – задаю единственный вопрос, который меня сейчас волнует. – Насколько плохо она видит?

– Очень слабо. У неё катаракта на обоих глазах. Различает светлое и тёмное, очертания предметов.

– То есть черты моего лица она не разглядит?

– Это так важно? – он поднимает брови.

«Ещё как важно», – проносится у меня в голове, но я слегка киваю и одновременно пожимаю плечами, делая вид, что мне безразлично.

– Нет, не разглядит.

Значит, она не узнает меня. Не узнает девушку, которую тогда выставила из квартиры. Хотя, если уж меня не узнал человек, с которым мы провели вместе почти два месяца...

– Хорошо, – уверенно киваю, а затем, не удержавшись, уточняю: – Помогать нужно только вашей матери? Вы в помощи не нуждаетесь?

Последние слова звучат немного язвительно, и мой наниматель вскидывает брови в непритворном удивлении.

– А почему мне может требоваться ваша помощь?

– У вас нет проблем... с памятью, например? – говорю с намёком.

Я не ожидаю особенной реакции, поэтому меня застаёт врасплох, как быстро меняется выражение его лица.

– Нет, – цедит он сквозь зубы и встаёт, показывая, что разговор закончен. – Если это всё...

– Я готова приступить к работе с завтрашнего дня, – произношу торопливо и тоже поднимаюсь. – Надеюсь, что вас, в свою очередь, предупредили о том, что я могу работать только по определённому графику.

– Да, вы ведь...

– Операционная медсестра, – киваю, расправляя плечи, – дежурства у меня сутки через трое, поэтому у вас я могу работать два через два, так, чтобы исключить день дежурства и день после него. Сегодня как раз день после дежурства.

– Ну что ж, – он смотрит на меня задумчиво, – двух дней вполне достаточно, чтобы понять, найдёте вы вообще с моей матерью контакт или нет. Оплата за эти дни, разумеется, будет.

– Договорились, – киваю.

– Я скину вам адрес, приезжайте завтра с утра. До свидания, Надежда, – Володя кивает мне и идёт к двери.

Провожая его взглядом и бессильно опускаюсь обратно на стул. Ко мне подходит девочка-официантка.

– Принести что-нибудь ещё? – забирает мою пустую чашку, смотрит вопросительно.

– Да... Да, пожалуй, давайте ещё чай, – прошу её.

Ничего не понимаю. Растерянно кручу в руках пакет с документами. Достая паспорт. Вглядываюсь в фотографию. Грустно усмехаюсь, да уж, видок у меня тот ещё. На документах мы, конечно, все жутко получаемся, но здесь... Вспоминаю, что меняла паспорт как раз после последней маминой операции. Следом за ней предстояла долгая реабилитация.

На фото уставшая, худая до невозможности девушка с ввалившимися глазами и коротко остриженными тёмными волосами. Да, такой меня и друзья-то не узнавали. Задумчиво перелистываю страницу. И прописка уже в другом месте – нам к тому времени пришлось продать нашу трёхкомнатную квартиру и переехать в двушку. Деньги были очень нужны. Лекарства, лечение, да и жить на что-то требовалось, пока я не начала работать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.